

УДК 81'271: 811.112

ЗООМЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ (лингвокогнитивный аспект)

Руслан Джаванширович Керимов

к. филол. н., доцент кафедры немецкой филологии

Кемеровский государственный университет

650043, Кемерово, ул. Красная, 6. kerimovrus@rambler.ru

В статье рассматриваются семантические особенности зоометафоры в немецкой социальной коммуникации в аспекте лингвокогнитивного подхода. Узуальные метафорические значения отражают стереотипные немецкоязычные лингвокультурные образы, развивающиеся в политическом дискурсе, и описывают различные социально-политические и экономические процессы и явления. Зоометафорика эксплицируется на основе наименований млекопитающих (домашних и диких животных), птиц, насекомых, пресмыкающихся, земноводных, рыб. Методом когнитивного фреймирования реконструируется концептуальная структура понятийной зоосферы-источника на фреймово-слотовом уровне, и рассматриваются лексико-семантические аспекты метафоризации зооимен.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; политический дискурс; немецкий язык; концептуальная метафора; языковая картина мира.

Политический язык представляет собой субсистему национального языка, обслуживающую сферу общественно-социальных отношений и оперирующую разноуровневыми языковыми средствами, одним из которых является метафора [Чудинов 2001]. В аспекте лингвокогнитивного подхода метафора воспринимается не только как образное средство или семантический механизм вторичной номинации, но в первую очередь как когнитивный механизм осмысления, усвоения, упорядочения, хранения и передачи знаний и опыта о некотором фрагменте объективной действительности [Маслова 2008], а касательно сферы политики – о социальной реальности и ее аспектах [Schwarz-Friesel 2004].

Когнитивная функция метафоры в лексико-семантической системе языка впервые стала предметом пристального изучения в уже ставшей классикой лингвистической мысли работе американских языковедов Дж.Лакоффа и М.Джонсона, недавно полностью переведенной и на русский язык [Лакофф, Джонсон 2004]. Данный подход «породил» новое направление в языкознании – когнитивную лингвистику и сопутствующие ей (и/или являющиеся ее разделами) направления: концептологию, когнитивную метафорологию, когнитивную семантику, когнитивную грамматику и др., получившие широкое распространение в отечественной лингвистической науке, которая характеризуется большим

разнообразием подходов, школ, течений, методик и методологий исследования.

Изучение немецкой политической метафоры в этой связи предполагает не только анализ узуальных вторичных номинаций, в том числе устойчивых выражений, но и выявление особенностей их дискурсивного употребления, рассмотрение механизмов порождения «креативных» метафорических значений в окказиональных контекстах, установление связи и места вербализуемых смыслов в немецкой культуре, а также моделирование структуры понятийных сфер, актуализируемых соответствующими метафорическими номинациями.

В немецкой социально-политической коммуникации функционируют различные (по сфере-источнику) метафорические образы (см. обзор, данные частотности, продуктивности и доминантности: [Керимов 2008]), в ряду которых яркими, интересными предстают так называемые зооморфные метафоры (также по-другому: «зоометафоры»). Они объективируют реалии и явления, объекты и субъектов политических процессов в понятиях и терминах мира фауны, к которому относятся наименования обитателей поверхности суши и недр земли, неба и воды: домашних, хищных, диких животных и других млекопитающих, пресмыкающихся, земноводных, насекомых, червеобразных, птиц, рыб, а

также посредством описания манеры и образа жизни некоторых видов животных.

Следует отметить, что высокая частотность и активная задействованность фигур животных в языке политики не случайна и обусловлена несколькими факторами. Во-первых, животные являются традиционными персонажами в культуре, искусстве, литературе, с XX в. – в кинематографе, в связи с чем они уже давно стали неотъемлемой частью человеческой культуры. В произведениях искусства и литературы, в фольклоре и мифах разных животных наделяли определенными постоянными свойствами и характеристиками, типическими чертами некоторых социальных классов и групп людей, чтобы в гротескной форме показать и высмеять человеческие пороки или, наоборот, восхвалить добродетель, отвагу, хитрость и другие положительные качества.

Второй фактор, тесно связанный с первым и в принципе обуславливающий его, детерминирован той огромной ролью, которую животные играли в жизни человека и его хозяйственной деятельности на протяжении всей истории человечества, в течение которой некоторые виды фауны были одомашнены.

Таким образом, в лингвокультуре уже давно функционируют значения, определяемые посредством тех или иных видов животных и их жизнедеятельности (именуемые «зоономинации» или «зоонаименования»), многие из которых на основе внутренних или внешних отношений получили переносный смысл, причем актуальные ситуативные смыслы в том числе предопределяются и условиями существования, и, соответственно, манерой поведения тех или иных видов фауны (см. о зоономинациях в современном немецком языке: [Керимов, Минаева 2012]).

Так, животные, нужные человеку для ведения различной хозяйственной деятельности, передвижения, борьбы с грызунами и вредителями, охраны, а также развлечения, были им одомашнены. Обитающие в природной среде звери сами заботятся о себе и о добывании пищи, являясь плотоядными или хищными (если предпочитают мясную пищу). В соответствии с этим метафорическое употребление наименований домашних питомцев связано в первую очередь с их функцией поставщика полезной и нужной продукции и сырья для хозяйственных (промышленных) нужд человека, а номинации диких зверей, в свою очередь, связаны в метафорических образах, как правило, с ситуациями агрессивного поведения, нападения, причинения вреда.

Актуальными аспектами описания зооморфной метафорики являются номинации видов фауны: домашние питомцы и скот, дикие (хищные) звери, птицы, морские обитатели (рыбы),

пресмыкающиеся (змеи), грызуны (мыши, крысы), земноводные (лягушки и жабы), насекомые (муравей, муха, блоха, пчела и пр.) и червеобразные, а также примыкающая к ним общая (гиперонимическая) анимальная номинация. При этом каждая группа зоономинаций с позиций лингвокогнитивного подхода представляет собой определенный слот в составе соответствующего фрейма «Состав царства животных».

Именно фреймовая структура, согласно современным лингвистическим теориям [Fillmore 1975; Minsky 1977; Dijk 1980], упорядочивает знания человека о каком-либо опыте. Так, по определению В.З.Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [Демьянков 1996: 188]. В свою очередь, А.Н.Баранов определяет фрейм как «описание типизированной ситуации» [Баранов 1991: 188].

Если фрейм представляет собой некую схему, ключевые пункты понятийной сферы, то слот – это составной элемент фрейма, частный случай стереотипной ситуации, отражающий некоторые аспекты интерпретации фрагмента языковой картины мира. Лингвокогнитивный принцип исследования фреймово-слотовой структуры метафорических моделей на материале политического дискурса использовали, в частности, в своих исследованиях А.Н.Баранов и Ю.Н.Караулов [1991], Н.А.Санцевич [2002], А.П.Чудинов [2001; 2003] и др.

Таким образом, в немецкоязычном политдискурсе в составе актуального фрейма «Состав царства животных» выделяются 10 слотов, каждый из которых оперирует лексемами, свободными сочетаниями, идиомами и фразеологизмами во главе с ключевым именем-репрезентантом, представляющих свои языковые значения для метафорических преобразований на регулярной основе.

Первым слотом при этом будет являться случай вербализации обобщенной, родовой номинации понятия о животном безотносительно его конкретизации. Остальные же слоты актуализируют, в свою очередь, видовые группы зооимен, при типологии которых применяется смешанный принцип: степень участия в хозяйственной (в широком смысле) жизнедеятельности человека и отражение элементов непосредственно научной классификации. При первом подходе учитываются наивные представления и опыт носителей языка, согласно которым животные делятся на

домашних (существуют вместе с человеком, нередко в его жилище, и используются для различных хозяйственно-экономических нужд, в качестве источника пищи и/или полезных материалов, средства передвижения в пространстве, защиты или в эстетических целях и пр.) и диких (хищных), которые, например, водились в лесах и могли причинить вред человеку либо являлись объектом охоты и т. п.

Остальные представители фауны ввиду их как биологических особенностей, так и места и роли в жизни человека объединяются сообразно их научно установленной родо-видовой принадлежности (птицы, рыбы, насекомые, земноводные, червеобразные и пр.), но не в полном соответствии с ней. Так, с наивной точки зрения (что зафиксировано в соответствующих словарных дефинициях), например, во-первых, все обитатели фауны (и даже птицы и рыбы) в широком смысле считаются животными, а в узком смысле к животным относят только млекопитающих (т. е. «крупных», «диких» и др. зверей), из-за чего часто возникает двусмысленность и ошибочное использование синонимии (в том числе, предикация слова «зверь» по отношению к немлекопитающим). Во-вторых, все обитатели во-

доемов считаются рыбами (хотя, например, киты и дельфины – это млекопитающие, т. е. животные). В первом случае имеет место генерализация всех живых обитателей как некоего общего класса, который противопоставляется человеку как единая общность (т. е. живые существа, но не человек). Во втором случае актуализируется среда обитания представителя фауны и связанные с этим стереотипные представления (земля – животное, воздух – птица, вода – рыба), которые были сформированы узусом еще до появления и развития научной мысли (в биологии, зоологии) и которые сейчас заложены в том числе в языковых обозначениях представителей фауны. Таким образом, наивные представления напрямую связаны в лингвальной культуре с языковым знанием, которое является базовым для сохранения, активации, развития, расширения и передачи знаний об окружающем мире, о его объектах, явлениях, реляциях, о роли данных факторов в жизнедеятельности человека и о их влиянии на нее.

Таким образом, когнитивную структуру фрейма «Состав царства животных» в современном немецкоязычном политдискурсе схематично можно представить следующим образом:

Когнитивная структура фрейма «Состав царства животных» в немецком политическом дискурсе

Слот «Общая номинация животных»		Слот «Дикие животные»	Слот «Домашние животные»
ФРЕЙМ «СОСТАВ ЦАРСТВА ЖИВОТНЫХ»			
Слот «Птицы»	Слот «Рыбы»	Слот «Пресмыкающиеся»	
		Слот «Земноводные»	
		Слот «Грызуны»	
		Слот «Насекомые»	
		Слот «Червеобразные»	

Собственно, **общая номинация** животных „das Tier“ эксплицируется в социальном языке содержательно следующим устойчивым выражением: „ein hohes [großes] Tier sein“ – „eine hochgestellte Persönlichkeit sein“ (CUGdR) (ср. в русском языке: «быть важной птицей», «быть птицей высокого полета»).

Домашние животные приносят много пользы человеку, поэтому их образы в политической коммуникации могут использоваться в негативных ситуациях при описании слишком больших притязаний / ожиданий от чего-либо, например, от политики федерального правительства, от немецкой экономики, посредством описания чрезмерной эксплуатации скота и других хозяйственных животных. Так, высокий уровень про-

мышленности ФРГ предстает в образе «дающей хорошее молоко коровы» („die Kuh, die gute Milch gibt“), которую, по мнению федерального канцлера Г.Шрёдера, нужно «гладить» (т. е. стимулировать, поддерживать), чтобы она и дальше так же хорошо «функционировала», ср.: „Aber ich muss daran erinnern, dass es Aufgabe einer deutschen Bundesregierung, eines deutschen Bundeskanzlers ist, auch einmal darauf hinzuweisen, dass man die Kuh, die gute Milch gibt – wir sind der größte Nettozahler in Europa, und wir sind es gerne –, gelegentlich auch einmal streicheln muss. Sonst funktioniert das nicht“ (Schröder 2003).

В узуальных значениях образ «коровы» („die Kuh“) представлен в таких связанных выражениях, как, например:

- „die Kuh vom Eis bringen [kriegen]“ – „ein schwieriges Problem lösen“ (CUGdR): „Ein Kompromiss brachte schließlich die "Kuh vom Eis"“ (ММ 1987);

- „heilige Kuh“ – „etwas Unantastbares, was nicht angegriffen werden darf“ (CUGdR) (ср. в русском языке: «священная корова»).

Большие надежды, возлагаемые в ФРГ на систему образования, могут описываться посредством образа выдуманного домашнего животного „Eier legende Wollmilchsau“, не существующего в реальности и сочетающего в себе функции (качества) курицы (несет яйца), овцы (дает шерсть), коровы (дает молоко) и свиньи (кормящей (поросят) свиноматки), например: „Ich denke nicht, dass es das Ziel der Volkshochschulen sein sollte, sich gewissermaßen zur eierlegenden Wollmilchsau zu entwickeln. Ich glaube aber wohl, dass in der schwierigen Aufgabe, Hochschule für alle zu sein, ihre besondere Chance liegt“ (Rau 2002a: 251).

Выражение „die Eier legende Wollmilchsau“, по данным толкового словаря Duden, уже закрепилось в немецком языке в значении „Person oder Sache, die keinerlei Nachteile aufweist, alle Bedürfnisse befriedigt, allen Ansprüchen genügt“ и имеет стилистические пометы „umgangssprachlich“ и „scherzhaft“ (DGWdS).

Другой негативный смысл связан с образом «коровы» („die Kuh“) в составе композита „die Kuhhandel“ (букв.: «коровья торговля»), имеющего в словаре дефиницию „kleinliches Aushandeln von Vorteilen, übles Tauschgeschäft“ и пометы „umgangssprachlich“ и „abwertend“ (DGWdS). В сфере политики это слово получает значения «закулисные переговоры», «закулисный торг», «нечистая сделка» и «взаимные уступки», ср.: „Das gehört zu den Aufgaben der Gewerkschaften. Aber das ist auch Grund dafür, dass sie häufig beziichtigt werden, nur einen „Kuhhandel“ zu betreiben“ (Rau 2001b: 124).

Устойчивые выражения с компонентами „das Schaf“ («овца») и „der Bock“ («козел», «баран») используются в немецком языке для номинации негативного отношения к некоторым группам людей. Идиома „schwarzes Schaf“, восходящая к библейским сюжетам, в современном языке имеет значение „jemand, der in einer Gemeinschaft unangenehm auffällt, von ihr als Außenseiter betrachtet wird“ (DGWdS); в контексте политического выступления речь может идти о каком-либо социальном классе или группе, разделяющей определенную точку зрения: „das schwarze Schaf“ – „derjenige in einer Gruppe, der sich nicht einordnet, der unangenehm auffällt“ (CUGdR), например: „Auch hier darf man nicht verallgemeinern. Schwarze Schafe gibt es überall, zum Glück gibt es aber doch nur wenige. Darum ist es genauso falsch,

die Unternehmer unter den Generalverdacht sozialer Kälte zu stellen, wie es falsch ist, Empfänger staatlicher Transferleistungen pauschal des Missbrauchs zu verdächtigen“ (Rau 2002a: 298).

Помимо контекстуальной конкретизации того, кто, собственно, в немецком обществе проявляет себя «черной овцой», интересными представляются случаи домысливания, развития данного метафорического образа путем создания окказионального антонимического экспликатора со стандартным колоративным антиподом: schwarz / weiß → „schwarzes Schaf“ / „weißes Schaf“.

Таким образом, новый объект („weißes Schaf“) будет обладать противоположными качествами по сравнению с исходным объектом: „Umgekehrt ist aber auch richtig: Wenn Netzentgelte als ökonomische Marktzutrittsbarrieren benutzt werden, dann hat das mit dem Ziel, Netzinvestitionen zu sichern, wenig zu tun. Es ist schlicht wettbewerbsbehinderndes Verhalten. Und ich kann diejenigen in der Branche, die sich in dieser Hinsicht vorbildlich verhalten, nur ermuntern, die „schwarzen Schafe“ in den eigenen Reihen nicht zu entschuldigen. Sie gefährden ein im Grundsatz erfolgreiches System der Regulierung zu Lasten aller. Ich begrüße deshalb ausdrücklich, dass der Kalkulationsleitfaden für die Berechnung der Netznutzungsentgelte von den Partnern der Verbändevereinbarung in der ersten Hälfte dieses Jahres überarbeitet wird. Auch dies wird zur Transparenz der Netzentgelte beitragen und die schwarzen von den weißen Schafen unterscheiden“ (Müller 2003).

Сложное слово „der Sündenbock“ (ср. в русском языке: «козел отпущения»), также имеющее библейское происхождение („der mit den Sünden des jüdischen Volkes beladene und in die Wüste gejagte Bock“), обладает словарным значением „jemand, auf den man seine Schuld abwälzt, dem man die Schuld an etwas zuschiebt“ (DGWdS), которое реализуется и развивается в контекстуальном словоупотреблении, ср.: „Das ist offenbar ein Mechanismus in unserer Gesellschaft: Wenn etwas schief geht, dann sucht man den Sündenbock, den man wegschickt, und der Sündenbock mit der schnellsten Geschwindigkeit des sich Entfernens ist offenbar die Schule“ (Rau 2002b: 397). В данном фрагменте в негативном свете в устах федерального президента Й.Рау (1999–2004) передается отношение общества к системе школьного образования в Германии.

Номинация „Schwein“ используется, помимо прочего, в составе композита „das Schweinegeld“, где выполняет непрототипическую функцию, обозначая большое количество («много денег») (ср. с эквивалентом в русском языке: «бешеные деньги») (см. подробнее о зоометафорах в обла-

ти денежно-финансовой деятельности: [Федянина 2008]), например: „Das Kombinationsmodell, das dieses Haus beschlossen hat, daß ein Teil der Ministerien in Bonn bleibt und Kopfstellen in Berlin eingerichtet werden, ist absurd. Es kostet ein Schweinegeld. Dieses Kombinationsmodell muß in den Orkus“ (Metzger 1998: 8).

Положительная и отрицательная оценки реализуются в выражениях:

- „jemand hat Schwein“ – „jemand hat Glück“ (CUGdR);
- „im Schweinsgalopp“ – „sehr schnell; oberflächlich“ (CUGdR).

В целом, для немцев свинья является символом экономности, благополучия и достатка, в связи с чем, например, копилка для денег у немцев представлена, как правило, в виде фигурки свиньи. К этой особенности немецкой лингвокультуры восходит следующее устойчивое выражение: „sein Sparschwein schlachten“ – „auf die Ersparnisse zurückgreifen“ (CUGdR) («растрести свои сбережения») (букв.: «разбить свою копилку (чтобы взять из нее деньги)»).

Фигура «свиноматки» („die Sau“) встречается в устойчивых выражениях:

- „j-n, etwas zur Sau machen“ – „j-n, etwas vernichtend kritisieren, beschimpfen“ (CUGdR);
- „unter aller Sau“ – „unbeschreiblich schlecht“ (CUGdR);
- „eine arme Sau“ – „ein armes Schwein“ (CUGdR) («бедняга, бедолага»): „Das beweisen Äußerungen wie: "Walter ist ein sympathischer Mann, aber eine arme Sau." Oder: "Walter hat den schwierigsten Job in dieser Regierung; ich jedenfalls hätte keine Lust darauf!“ (BZ 2000);
- „Es so dick hinter den Ohren haben wie die Sau die Läuse“ («быть прожженным плутом»).

Образ «овечки» („das Schäfchen“) актуализируется при обозначении в негативном свете различных ситуаций получения некоторой экономической выгоды, как это представлено в устойчивых выражениях:

- „sein Schäfchen ins Trockene bringen“ – „sich (auf Kosten anderer) wirtschaftlich sichern, großen Gewinn, Vorteil verschaffen“ (DGWdS);
- „sein Schäfchen im Trockenen haben“ – „(ugs.) oft leicht abwertend; sich seinen Vorteil gesichert haben“ (DGWdS);
- „sein Schäfchen scheren“ («(разг.) нагреть руки, набить карман, сорвать изрядный куш, поживиться, нажиться»);
- „sein Schäfchen zu scheren wissen“ («уметь извлекать выгоду (из чего-либо), быть себе на уме»).

Интересные значения связаны с переносным употреблением наименований такого хозяйст-

венного животного, как „der Hammel“ («валух, (кастрированный) баран»). Во-первых, актуализация «воинственных» качеств данного животного, выраженная в сложном слове „der Streithammel“ (букв.: «драчливый, бойцовый баран»), образно эксплицирует ситуации политических разногласий между некоторыми лицами, группировками и т. п., которые как бы вступают друг с другом в схватку. Синонимами данного выражения являются, кроме того, композиты „der Streithahn“ и „der Kampfhahn“, а также „der Streithansel“.

Во-вторых, данная лексема используется в качестве ключевого компонента в составе известной поговорки-присказки, которая имеет полный эквивалент в современном русском языке: „Um wieder auf besagten Hammel zu kommen“ (ср. в русском языке: «Вернемся к нашим баранам» (т.е. к прежней теме разговора)).

В нескольких устойчивых выражениях представлена номинация собаки („der Hund“), которая присутствует в описании преимущественно негативных событий (социальной деградации, ущерба, смерти и пр.), ср., например:

- „vor die Hunde gehen“ – „(ugs.) zugrunde gehen (vielleicht nach dem kranken und schwachen Wild, das den Jagdhunden leicht zum Opfer fällt)“ (DGWdS);
- „das ist ein dicker Hund“ – „das ist eine Ungeheuerlichkeit, das ist unerhört, unglaublich“ (CUGdR);
- „schlafende Hunde wecken“ – „unvorsichtigerweise auf etwas aufmerksam machen und dadurch eine unerwünschte Entwicklung in Gang setzen“ (DGWdS);
- „da liegt der Hund begraben“ – „das ist der Entscheidende, schwierige Punkt, an dem alles scheitert“ (CUGdR) (синоним: „Da liegt der Hase im Pfeffer!“);
- „wie Hund und Katze leben“ – „(ugs.) sich nicht vertragen und in ständigem Streit miteinander leben“ (DGWdS);
- „ein krummer Hund“ – „ein Betrüger, ein unehrlicher Mensch“ (CUGdR).

В предпоследнем случае в одном выражении представлены два животных: «собака» и «кошка», испытывающие в природе по отношению друг к другу агрессию, что метафорически переносится на людей, которые плохо или совсем не ладят друг с другом, и т. п.

Образ «кошки» („die Katze“) реализуется также в составе устойчивых выражений, манифестирующих различные социально значимые ситуации:

- „die Katze im Sack kaufen“ – „etwas ungeprüft übernehmen, kaufen (und dabei übervorteilt werden)“ (CUGdR);

- „die Katze aus dem Sack lassen“ – „seine wahre Absicht zu erkennen geben; den wahren Grund verraten, etwas Geheimes preisgeben“ (CUGdR);

- „die Katze lässt das Mäusen nicht“ – „wer einmal gestohlen o. Ä. hat, wird es immer wieder versuchen; alte Gewohnheiten kann man nicht ablegen, abstreifen“ (CUGdR);

- „der Katze die Schelle umhängen“ – „eine gefährliche, schwierige Aufgabe als einziger übernehmen“ (CUGdR);

- „das ist für die Katz(e)“ – „etwas ist vergebens, umsonst; etwas ist nutzlos“ (CUGdR);

- „der Katze den Schmer abkaufen“ («остаться на бобах», «остаться ни с чем»).

Помимо этого, в политических контекстах эксплицируется образ лошади, которая представляется в разных ситуациях движения, где она используется как гужевого транспорт, в соответствии с чем лексические единицы (слова и словосочетания) с компонентом „das Pferd“ относятся к транспортной субсфере.

Среди наименований **диких животных** в политических речах функционируют обозначения хищных (волк, тигр) и травоядных (заяц и др.) животных.

Слово «волк» („der Wolf“) встречается во многих устойчивых сочетаниях, а также в пословицах и поговорках, и во всех случаях – в отрицательной роли. Образ волка, получивший широкое распространение в европейской и, в частности, немецкой литературе (сказки, басни и т. д.), соединяет в себе многие негативные черты: агрессивность, злобу, кровожадность, безжалостность, а также специфические человеческие черты (коварство, хитрость и пр.), что и находит выражение в том числе в следующих сочетаниях (некоторые из них восходят к библейским мотивам):

- „ein Wolf im Schafspelz/ Schafsfell/ Schafskleid sein“ – „sich harmlos geben, freundlich tun, aber dabei böse Absichten hegen und sehr gefährlich sein“ (DGWdS) (полный эквивалент в русском языке: «волк в овечьей шкуре») (данный образ восходит к Новому Завету);

- „mit den Wölfen heulen“ – „(ugs.) sich aus Opportunismus und wider besseres Wissen dem Reden oder Tun anderer anschließen“ (DGWdS) (ср. в русском языке: «С волками жить – по-волчьи выть»);

- „unter die Wölfe geraten [sein]“ – „brutal behandelt, ausgebeutet werden“ (DGWdS) (букв.: «попасть к волкам» / «попасть в волчьи лапы»).

В политических текстах образу волка часто приписываются также и другие негативные смыслы, как, например, работа (особенно в экономике) только ради своей выгоды (выгоды своей компании), нежелание заниматься социальными и иными проблемами общества, пассивная гражданская позиция и т. д.: „Tatsächlich sind die traditionellen Werte nicht nur im Bereich von Familie und Freundschaft unverzichtbar, nicht nur im Bereich der lokalen und kommunalen Beziehungen, sondern im Wirtschaftsleben selbst. Gerade hier müssen zum Beispiel Vertragstreue, menschlicher Anstand und Verlässlichkeit regieren – wenn nicht der eine des anderen Wolf werden soll“ (Rau 2001a: 80).

Лексема „der Hase“ («заяц») также представлена в немецком языке в большом количестве устойчивых выражений:

- „ein alter Hase sein“ – „Erfahrung haben, sich in einer bestimmten Sache auskennen“ (CUGdR): „Selbst alte Hasen des Bonner Geschäfts haben so etwas noch nicht erlebt: Ein Riss, der quer durch alle Fraktionen geht und für den es offenbar kein Mittel gibt, um ihn zu kitten“ (BZ 1991);

- „ein heuriger Hase“ – „ein kleines Kind; ein unerfahrener Mensch“ (CUGdR);

- „wir werden (ja) sehen, wie der Hase läuft“ – „wir werden sehen (wissen), wie es weitergeht“ (CUGdR);

- „da [hier] liegt der Hase im Pfeffer“ – „da [hier] ist die Ursache der Schwierigkeit“ (CUGdR), например: „Aber genau hier liegt der Hase im Pfeffer. Streiks, die sich nicht nur gegen Arbeitgeber, sondern gegen staatliche Stellen richten, gelten in diesem Lande als politische – und damit nach herrschender Rechtsauffassung für unzulässig“ (ND 1996).

Метафоричный термин «экономический тигр» („der Wirtschaftstiger“) появился в 90-е гг. XX в. для обозначения стран азиатско-тихоокеанского региона (отсюда второе, синонимичное выражение: «азиатский тигр»), которые благодаря разумной социально-экономической политике и благоприятной мировой экономической конъюнктуре пережили бум экономического развития и вышли на уровень мировых лидеров по уровню производства, товарооборота, торговли и ВВП (это, прежде всего, Южная Корея, Малайзия, Сингапур и отчасти – Таиланд, Гонконг). Президент Й.Рау для создания положительной оценки социальной политики правительства Г.Шрёдера в «новых» федеральных землях (экс-ГДР) использовал данный термин по отношению как раз к Восточной Германии, которая, по его мнению, уже вышла на уровень, когда начинается стремительное экономическое развитие, а единственным препятствием могут стать не объектив-

ные, а субъективные факторы, среди которых – неготовность самих восточных немцев к новым экономическим реалиям, ср.:

- „Die Vier kamen zu dem Ergebnis, Ostdeutschland habe ein ausgesprochen gutes Entwicklungs- und Aufholpotential, es sei ein „Wirtschaftstiger“ auf dem Sprung. Jedes Potential müsse aber zunächst einmal „mobilisiert werden“, und das stoße in Ostdeutschland auf ein „psychologisches Handicap“: Das weit verbreitete Gefühl der Enttäuschung über die bisherige Entwicklung sei ein „Hindernis“ für den Wachstumsprozess. Die Blockade in den Köpfen hindere „den Tiger am Sprung““ (Rau 2002b: 428).

- „Um „dem Tiger auf die Sprünge“ zu helfen, komme es aber auch und vor allem auf die Köpfe an“ (Rau 2002b: 429).

- „Eine ähnliche Reaktion hatten gewiss auch die vier ausländischen Gutachter empfohlen, die „dem ostdeutschen Tiger nachgespürt haben““ (Rau 2002b: 431).

В первом представленном выше случае в одном контексте одновременно используются метафоры нескольких разных видов: зооморфная метафора („Wirtschaftstiger auf dem Sprung“, der Tiger am Sprung), спортивная („das psychologische Handicap“, „das Hindernis“) и военная („mobilisieren“).

В последнем контексте, с учетом того, что речь идет о Восточной части Германии, предстает уже фигура «восточногерманского тигра» („der ostdeutsche Tiger“). Данное сочетание появилось по аналогии с «азиатским тигром».

Номинация «лев» используется, с одной стороны, как перифрастическое обозначение Англии (Великобритании) (ср.: «английский / британский лев»), с другой – как обозначение экономически сильной страны, но преимущественно относительно Европы (в противоположность современным «восточноазиатским тиграм»), например: „Ganz so ist es freilich nicht. Nur wenige Tage vor dem Besuch des Bundeswirtschaftsministers in der Gemeinschaft unabhängiger Staaten – auf dem Programm stehen auch Visiten in Kasachstan und in der Ukraine – hatte das wirtschaftlich auf äußerst wackligen Beinen stehende Russland „den ökonomischen Löwen Deutschland am Bart gezupft““ (BZ 1992).

Образ «лисы» („der Fuchs“) присутствует в устойчивом выражении, где актуализируются приписываемые данному животному хитрость, ловкость, которые метафорически проецируются на человека: „ein alter [der alte] „Fuchs“ – „ändern überlegener (durchtriebener) Mensch, der alle Schliche und Feinheiten, auf die es ankommt, kennt“ (CUGdR) (букв.: «старая лиса»): „Vielleicht ist das der Grund, dass allein der ambitionierte Edmund Stoiber sich nicht recht über eine Wiedereinset-

zungs-Zeremonie für Kohl begeistern zu können scheint. Oder ahnt „dieser alte Fuchs“ einfach nur, dass er nie Kanzler wird, wenn die CDU die gemeinsamen Wähler weiter so verkohlt?“ (ND 2001).

Номинация «медведь» используется в составе известного устойчивого выражения «оказать кому-либо медвежью услугу»: „j-m einen Bären dienst erweisen“ – „j-m einen schlechten Dienst erweisen, j-m mehr schaden als nutzen“ (CUGdR): „Dem Bundeskanzler warf Roth vor, er „habe“ mit der Verknüpfung von Afghanistan-Entscheidung und Vertrauensfrage der politischen Kultur in Deutschland „einen Bären dienst erwiesen““ (BZ 2001).

Интересные метафорические образы связаны в немецкой политической лингвокультуре с фигурой «ежа» („der Igel“), представленного в идиомах:

- „das passt wie der Igel zum Taschentuch [Handtuch]“ – „das eignet sich sehr schlecht zu einem bestimmten Zweck“ (CUGdR);

- „aus einem Igel ein Stachelschwein machen“ – „eine Kleinigkeit aufbauschen; viel Aufhebens machen“ (CUGdR) (букв.: «делать из ежа дикобраз»).

Наименования **птиц** в немецком социально-политическом языке создают диаметрально противоположные по смыслу (антонимичные) метафорические образы, манифестирующие подходы к осуществлению политики.

Так, образ парящей в небе птицы традиционно считается эталоном свободы, что нашло отражение в следующем выражении: „frei sein wie der Vogel in der Luft“ («быть свободным, как птица в небе»).

Политика, при которой политическая элита не хочет или не может замечать каких-либо проблем, трудностей, не в состоянии реально оценить ситуацию, увидеть опасность и т.д., ассоциируется со «страусом» в идиоме «страусиная политика» из-за его манеры при опасности прятать голову в песок: „die Vogel-Strauß-Politik“ – „[nach der angeblichen Gewohnheit des Straußes, den Kopf in den Sand zu stecken, wenn ihm Gefahr droht]: Art des Verhaltens, bei der jemand eine Gefahr o. Ä. nicht sehen will“ (DGWdS).

Противоположное явление – агрессивная (особенно – внешняя) политика – предстает в фигуре хищной птицы «сокол»: „der Falke“ – „Vertreter eines harten politischen Kurses [gegenüber dem Gegner, besonders in der Außenpolitik]“ (DGWdS) (ср. в русском языке: «ястребы войны») о сторонниках применения военной силы как основном способе разрешения международных конфликтов).

Когнитивным антонимом «соколам» являются «голуби» („Tauben“), т.е. сторонники умеренного [мирного] курса (люди, готовые вести перегово-

ры, пойти на соглашение; в противоположность «ястребам»): „die Taube“ – (meist Pl.) „jemand, der für eine gemäßigte, nicht militante, nicht radikale Politik eintritt, der kompromissbereit ist“ (DGWdS). В целом, «голуби» как символ мира были особо популярны в годы «холодной войны» в социалистических странах (в том числе и в ГДР). В настоящее время этот символ практически повсеместно утратил свою актуальность.

Номинация петуха („der Hahn“) представлена в выражении: „nach j-m, nach etwas kräht kein Hahn“ – „niemand kümmert sich um j-n, um etwas“ (CUGdR).

Помимо этого, в политической сфере встречается еще один интересный орнитологический образ, характеризующий спорящие и противоположающиеся стороны как «бойцовых петухов» (второе значение слова „der Kampfhahn“ и единственное значение у слова „der Streithahn“ (оба – с пометами „ugs.“ и „oft scherzh.“)), как, например, в следующем контексте: „Die Meinungsverschiedenheiten der Männer arteten ... in eine handfeste Schlägerei aus, in deren Verlauf beide Streithähne verletzt wurden“ (ММ 14.08.1970: 4). Полными синонимами слов „der Kampfhahn“ и „der Streithahn“ являются „der Streithammel“ и „der Streithansel“.

Отрицательные коннотации в переносном значении отмечены у номинации птицы „der Wendehals“ («вертишейка»): «перевертыш (о бывших политиках ГДР, сменивших политическую «ориентацию» в единой Германии)».

Негативный образ «безынициативного человека» представлен фигурой «гуся» („die Ente“) в словосочетании: „eine lahme Ente“ – „eine temperamentlose, schwerfällige, träge Person“ (CUGdR) (букв.: «хромая утка»).

Традиционный статус в языке имеет также следующее выражение, которое восходит к классической античности и воззрениям древних греков (они почитали лебедей как пророческих птиц, которые, с точки зрения греков, предчувствовали приближение своей смерти и могли издавать чудесные звуки незадолго до нее): „es ist sein Schwanengesang [Schwanenlied]“ – „es ist sein letzter Auftritt als Schauspieler oder Sänger, seine letzte Rede kurz vor dem Tode, das letzte Werk eines Schriftstellers oder Gelehrten“ (CUGdR) (букв.: «лебединая песня»).

В известных пословицах и идиомах фигурирует «воробей» („der Spatz“), который манифестируется в различных бытовых ситуациях, например:

- „besser einen [den] Spatz in der Hand als eine [die] Taube auf dem Dach“ – „etwas, das einem sicher ist, ist besser als etwas, was man lieber hätte,

das aber unerreichbar ist“ («лучше синица в руках, чем журавль в небе») (CUGdR);

- „Das pfeifen die Spatzen von den Dächern“ – „das weiß mittlerweile jeder, das ist kein Geheimnis mehr“ (CUGdR).

Образ **рыбы** („der Fisch“) укоренился в немецком языке в нескольких устойчивых сочетаниях, в которых при метафорическом переосмыслении актуализируются как личные качества и статус объекта, так и ситуации, ср.:

- „ein dicker [großer] Fisch“ – „ein dringend gesuchter Verbrecher; eine wichtige Persönlichkeit“ (CUGdR): „Den Rauschgiftfahndern von Zoll und Polizei war vergangenen Freitag ein dicker Fisch ins Netz gegangen“ (BZ 1992);

- „das ist so wichtig, wie einem Fisch einen Regenschirm aufzuspannen“ – „das ist für j-n gar nicht wichtig“ (CUGdR);

- „sich einen dicken [schönen] Fisch an Land ziehen“ – „Glück haben, ein gutes Stück an sich bringen“ (CUGdR);

- „(das sind) kleine Fische“ – „(das sind) Kleinigkeiten; (das ist) nichts Bedeutendes“ (CUGdR).

К актуализированным в политической риторике морским обитателям в первую очередь относится «акула» („der Hai“, „der Haifisch“).

Акула – это хищная рыба, в связи с чем ее образ используется в строго негативном аспекте. Данный символ стал уже традиционным в сфере экономики для обозначения лиц, которые занимаются спекуляциями на финансовых рынках, биржах и пр., нацелены только на получение собственной выгоды и не учитывают интересов других сторон (лиц, организаций, государств и т. д.), часто своими действиями целенаправленно подрывая финансовую стабильность с целью обвала рынка и т. п.

На языковом уровне эти значения выражены в составе сложных слов как раз вторым компонентом „-hai“, а первый компонент указывает на то, о какой конкретно сфере (биржа, финансы и пр.) идет речь: „der -hai“ – „(ugs. abwertend) kennzeichnet in Bildungen mit Substantiven eine Person, die sich rücksichtslos und skrupellos durch etwas oder auf einem bestimmten Gebiet bereichert“ (DGWdS): „Börsenhai“, „Finanzhai“, „Kredithai“, „Miethai“.

Номинация «кита» („der Wal“, „der Walfisch“) (который не является с биологической точки зрения рыбой (а является млекопитающим), однако живет в воде и внешне похож на большую рыбу, ввиду чего в наивной картине мира он воспринимается как рыба, что отражается также и во втором его наименовании с компонентом „-fisch“) используется для обозначения крупных, основных, ведущих субъектов политической

(лидер партии, видный государственный деятель), экономической (крупная компания, фирма, корпорация) деятельности и, как правило, не содержит коннотаций, актуализируя только чему-то «большого», «крупного», «важного».

Образ «щуки» („der Hecht“) представлен в следующих переносных значениях: „ein komischer Hecht“ («чудак»), „ein toller Hecht“ («весельчак; отчаянная [забубённая] голова»), „er ist gesund und fröhlich wie ein junger Hecht“ («он чувствует себя как рыба в воде»), „der Hecht im Karpfenteich“ («душа всего дела» – энергичный человек, воодушевляющий и подгоняющий равнодушных).

Интересный метафорический смысл реализуется в идиоме: „der Hecht im Karpfenteich sein“ – „durch seine Anwesenheit für Unruhe sorgen (in einer langweiligen, nicht sehr aktiven Umgebung)“; „(unter trägeren Menschen) die führende Rolle spielen, eine besondere Stellung einnehmen“ (CUGdR) («быть возмутителем спокойствия»), например: „In der deutschen Geldwelt sehen sich die Post-Banker als Hecht im Karpfenteich“ (Stern 1995).

Фигуры **пресмыкающихся** в немецкой социальной картине мира представлены номинацией „die Schlange“ («змея»), присутствующей в двух устойчивых выражениях, где «змея» выступает в непрототипических ситуациях:

- „die Schlange beißt sich in den Schwanz“ – „die Sache beginnt wieder von vorn, nimmt kein Ende, führt zu keinem Ergebnis“ (CUGdR) (букв.: «змея кусает себя за хвост» – о каком-либо бесконечном, безрезультатном деле);

- „eine Schlange [Natter] am Busen nähren“ – „j-m Gutes erweisen, j-n in seine Obhut nehmen, von dem man später geschädigt wird oder Schaden zu befürchten hat“ (CUGdR) (ср. в русском языке: «пригреть змею на груди»).

Грызуны в немецком социальном языке объективируются фигурой «мышь» („die Maus“), образ которой в составе идиом передает разные смыслы:

- „weiße Maus“ – „Verkehrspolizist“ (CUGdR) (букв. «белая мышь» о сотруднике дорожной полиции ФРГ – по цвету его униформы);

- „Das kann die Maus auf dem Schwanz forttragen“ – „das kann die / eine Maus auf dem Schwanz forttragen (das ist sehr wenig)“ (CUGdR) (ср. в русском языке: «как кот наплакал»);

- „da(von) beißt die Maus keinen Faden ab“ – „das ist unabänderlich, dagegen ist nichts zu machen“ (CUGdR) (ср. в русском языке: «комар носа не подточит»);

- „bei etwas Mäuschen sein mögen“ – „bei etwas im Verborgenen zuhören, zusehen mögen“ (CUGdR);

- „Mäuse merken [riechen]“ – „bemerken, dass etwas nicht ganz reell zugeht; Verdacht schöpfen“ (CUGdR).

Фигура «крысы» („die Ratte(n)“) представлена в социальной коммуникации в известном изречении (из морской тематики) и в устойчивых сочетаниях:

- „die Ratten verlassen das sinkende Schiff“ – „Menschen, auf die kein Verlass ist, ziehen sich drohender Gefahr zurück“ (CUGdR) (букв.: «крысы бегут с тонущего корабля» – о людях, на которых нельзя положиться в опасной ситуации);

- „die haben für die Ratten“ («у них всего вдоволь, куры не клюют»);

- „auf die Ratte spannen“ («глядеть в оба, быть начеку»).

Из **земноводных** животных актуальными для политической картины мира выступают «лягушка» („der Frosch“) и «жаба» („die Kröte“), которые в ряде устойчивых выражений описывают действительность в негативном свете:

- „eine (die) Kröte [seltener: Krott] schlucken“ – „etwas Unangenehmes in Kauf nehmen, (stillschweigend) hinnehmen“ (CUGdR), например: „Die grüne Landtagsfraktion in Nordrhein-Westfalen hat mit ihrer Zustimmung zum Haushalt eine „Kröte“ geschluckt“ (ND 1996).

- „sich aufblasen wie ein Frosch“ («важничать»; букв.: «надуться как лягушка»);

- „das wissen alle Frösche im Teich“ («это всем известно»; букв.: «это знают все лягушки в/на пруду»).

Среди **насекомых** метафорическое переосмысление в литературе (баснях) и в анимационных лентах чаще всего получают номинации «пчела» („die Biene“) и «муравей» („die Ameise“), которым приписывают среди прочего трудолюбие, усердие, терпеливость, смелость и иные положительные качества, что находит отражение также в некоторых языковых оборотах и выражениях („mit Bienenfleiß arbeiten“, „emsig wie eine Ameise“ и т. д.).

У слова „die Eintagsfliege“ («подёнка») при метафорическом употреблении активизируется механизм сходства по витальному признаку (это насекомое живет один день), соответственно, в социальных реалиях подобным образом обозначается событие, о котором вскоре забывают, т. е. то, что имеет актуальность лишь непродолжительное время: „die Eintagsfliege“ – „etwas, was nur kurze Zeit Bedeutung hat oder besteht, was ohne Dauer ist“ (DGWdS).

При дальнейшем развитии данного образа в контексте может возникать и обозначение длящегося процесса, например, экономического подъема (или его отсутствия), ср.: „Wir haben uns

heute über die Frage unterhalten: Ist der Aufschwung kontinuierlich, oder ist er im Grunde genommen nur eine Eintagsfliege? – darüber kann man lange debattieren“ (Geißler 1998: 9).

Слово „die Mücke“ («комар, мошка») присутствует в гиперболизированном выражении «делать из мухи слова», т. е. сильно преувеличивать (что-либо) (активируется сема размера): „aus einer Mücke einen Elefanten machen“ – „(ugs.) etwas maßlos übertreiben“ (DGWdS) (букв.: «делать из мухи слона»).

Образ «мухи» фигурирует также в высказывании: „zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen“ – „einen doppelten Zweck auf einmal erreichen“ (CUGdR) (ср. с поговоркой в русском языке: «Убить двух зайцев одним выстрелом»).

В немецком языке метафорическому переосмыслению подвержены некоторые ситуации, связанные с «блохой» („der Floh“), как, например:

- „die Flöhe husten [niesen] hören“ – „besonders klug und vorausschauend erscheinen wollen; sich sehr klug vorkommen“ (CUGdR);
- „einen Floh für einen Elefanten ansehen“ (букв.: «увидеть вместо блохи слона»).

Наконец, **червеобразные** представлены собственно обобщенной номинацией «червя» („der Wurm“) в составе устойчивых выражений с отрицательной оценочной коннотацией: „in etwas ist [sitzt] der Wurm drin“ – „etwas ist nicht in Ordnung, nicht so, wie es sein sollte“ (CUGdR) («с чем-либо не все в порядке; что-либо не совсем так, как это должно быть»).

Манера червя извиваться, если на него наступить, нашла образное воплощение в соответствующих фразеологизмах, которые объективируют ситуацию, когда под давлением обстоятельств человек вынужден начать как-то действовать, что-то предпринимать: „der getretene Wurm krümmt sich“ / „auch der Wurm krümmt sich, wenn er getreten wird“ – „auch der noch so Unterlegene, Ängstliche, Unterwürfige begehrt auf, wenn man ihn zu sehr bedrängt“ (CUGdR).

В заключение представленного обзора следует констатировать, что в языке немецкой политики наименования животных находят широчайшее применение для обозначения разнообразных общественно значимых действий, процессов, явлений, а также и самого человека в различных социальных ролях (апологет какой-либо политики, бизнесмен-спекулянт, честно работающий гражданин и т. д.), где проявляются определенные положительные и отрицательные качества человеческой природы. При этом зоометафоры перешли уже на более высокий уровень образно-языковой абстракции, поскольку, как показывает проведенное исследование, во мно-

гих случаях метафорические смыслы базируются на вторичных, непрототипических либо вообще несуществующих свойствах, качествах и функциях соответствующих животных, создавая в лингвокультуре своеобразные метафорические образы, являющиеся этноспецифичными в узальном отношении и наглядно-яркими в современной немецкой политической культуре и получающие активную поддержку и развитие в дискурсивном пространстве немецкоязычной социальной коммуникации.

Список источников и их сокращений

- BZ – BZ (Zeitung), Berlin (Deutschland).
CUGdR – *Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung* / Chefred. A. Sendlinger. München: Compact Verlag, 2007. 1344 S.
DGWdS – *Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*: In 10 Bd. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999. 4800 S.
Geißler H. Der Strukturwandel ist bewältigt // Das Parlament. 1998. Nr. 31. S.9.
Metzger O. Dieser Haushalt ist verfassungswidrig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. S.7–8.
MM – *Mannheimer Morgen* (Zeitung), Mannheim (Deutschland).
Müller W. „Europa unter Strom – Wer liberalisiert am besten?": Rede auf der 9. Handelsblatt-Jahrestagung Energiewirtschaft 2001 „Fünf Jahre Liberalisierung“ (Berlin, den 15. Januar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC. Berlin, 2003. Nr. 2002-03-1.
ND – *Neues Deutschland* (Zeitung), Berlin (Deutschland).
Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd.2.1. 400 S.
Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd.2.2. 512 S.
Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd.3.1. 480 S.
Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd.3.2. 672 S.
Schröder G. Rede beim Besuch der Steinkohlezeche DSK-Anthrazit (Ibbenbüren, den 8. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC. Berlin, 2003. Nr. 2002-08-1.
Stern – *der Stern* (Zeitschrift), Hamburg (Deutschland).

Список литературы

- Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991. С.184–192.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991. 193 с.
- Демьянков В.З. Фрейм // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С.Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С.187–189.
- Керимов Р.Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: учеб. пособие / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 168 с.
- Керимов Р.Д., Минаева Н.С. Особенности лингвистического исследования немецких зоонимов (на примере наименований домашних животных) // Основные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов: сб. науч. тр. II Всерос. школы-семинара (Томск, 14–16 марта 2012 г.) / отв. ред. Ю.В.Кобенко. Томск: Изд-во ТПУ, 2012. С.17–24.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. А.Н.Баранова, А.В.Морозовой / под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: Тетра-Системс, 2008. 272 с.
- Санцевич Н.А. Метафорические модели и оппозиция «свой-чужой» как способ описания языковой картины мира России в немецкой периодической печати // Материалы Междунар. конф. по компьютерной лингвистике «Диалог-21» (Москва, 2002). Т.1: Теоретические проблемы. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7377> (дата обращения: 15.04.2013).
- Федянина Л.И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: Опыт концептуального анализа: учеб. пособие / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 160 с.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. 240 с.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. 250 с.
- Dijk T.A.v. Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction and cognition. Hillsdale: Erlbaum, 1980. IX. 317 p.
- Fillmore Ch.J. An alternative to Checklist theories of meaning // Proceedings of the First Annual meeting of the Berkeley linguistics society. 1975. Vol.1. P.123–131.
- Minsky M. Frame-system theory // Thinking: Readings in cognitive science / ed. by Ph.N. Johnson-Laird, P.C. Wason. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1977. P.355–376.
- Schwarz-Friesel M. Kognitive Linguistik heute – Metaphernverstehen als Fallbeispiel // Deutsch als Fremdsprache. 2004. Bd. 41. Heft 2. S.83–89.

ANIMAL METAPHORS IN THE LANGUAGE OF GERMAN POLITICS: A LINGUO-COGNITIVE ASPECT

Ruslan D. Kerimov
Reader of German Philology Department
Kemerovo State University

The article examines the semantic features of animal metaphors in the social discourse of Germany in the cognitive aspect. The metaphorical meanings observed in usage reflect the imagery specificity for the German language and culture, which develops in the political discourse to describe social, political and economic processes and events. Manifestations of animal metaphors are based on the names of mammals (domestic and wild), birds, insects, reptiles, amphibians, and fish. The paper demonstrates how the method of cognitive framing is used to reconstruct the conceptual structure of the zoomorphic conceptual source domain at the level of frames and slots, and describes the lexical and semantic aspects of metaphorization of zoonyms in the German political language.

Key words: cognitive linguistics; political discourse; the German language; conceptual metaphor; linguistic worldview.